

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ УЧЕНИКА О ВСТРЕЧЕ С УЧИТЕЛЕМ

Я являюсь духовным учеником Антуана де Сент-Экзюпери.

Что многое объясняет. В том числе и возникновение этой книги.

Подключение к Учителю произошло сразу же по прочтении его при первопубликации в Советском Союзе. Речь идёт об известном сборнике 1957 года, изданном в серии «Зарубежный роман XX века».

Эта книга стала для меня откровением. Ибо библейский уровень, который оставался для меня вершиной в сфере литературы духа, оказался достигнутым вновь современным автором – наставником из поколения отцов. Всё-таки истина производит особо сильное впечатление, когда она открывается прямо на глазах. Именно с этой целью на Землю постоянно посылаются аватары. Жизнь в среде вечных ценностей связана с постоянным обновлением носителей откровения.

Экзюпери был одним из таких.

Он оказался для меня в то время единственным лучом света в погружённой в релятивизм и цинизм культурной панораме XX века. Юношеская душа, взыскующая хриstopодобия в окружающих, получила сразу концентрированный образ героя и мудреца в одном лице. Но ещё и художественного гения, что было почти невероятно. Выражение: *«И вот в храм входит единственный друг, но ему нет числа»* и до сих пор остаётся для меня высшей точкой, Эверестом мировой духовной вербалистики. Фраза эта дышала свежестью

только что сотворённого чуда, и была образцом и ориентиром для правильного и потому единственно продуктивного приложения творческих потенций всех идущих в след. Для себя я принял это как прямое руководство к действию.

Так я стал прямым учеником великого французского духовного мастера.

Упомянутая книга сделалась настольной. Перечитывая и углубляясь, я сопровождал размышления графическими медитациями, носившими характер творческого дневника и художественной параллели. Естественно возникало желание освоить всё литературное наследие Экзюпери, для чего я не поленился изучить французский язык, чего бы не стал делать ни ради Паскаля, ни ради Монтеня в связи с экстатической погружённостью в собственное творчество в самую пору расцвета.

В это время – в самом конце пятидесятых – родственница моего институтского товарища вместе с приятельницей, как оказалось, тоже увлечённые творчеством Экзюпери, перевели избранные главы «Цитадели», и машинопись перевода оказалась доступной мне для прочтения.

Женщины высокой культуры, одна из них сама «писательница в стол», в совершенстве знавшие французский язык, они создали превосходный перевод, который, на мой взгляд, остаётся лучшим на сегодняшний день. Главное: они сохранили близость к библейской стилистике оригинала, что я оценил по настоящему после самостоятельного знакомства с текстом оригинала.

К тому времени относится мой первый перевод фрагмента заключительных глав «Военного лётчика», сделанный по англоязычному изданию.

Что же касается машинописи перевода «Цитадели», то я почти полностью переписал его в толстую общую тетрадь, чем занимался прилежно на скучных институтских лекциях, пока текст не пришлось вернуть.

Эта тетрадь сделалась моей библией на долгие годы, ибо заветам Учителя я следовал беззаветно и свято.

Многие афоризмы и мотто я принимал как прямое руководство к действию, как советы наставника и духовного руководителя и распространял эти идеи на круг своих ближних и друзей. Истина высказываний казалась мне самоочевидной, и я хвастал Учителем и дарил его наставления другим, нисколько не сомневаясь в их правильности и полезности для всех.

Возможно, к словам *Учителя* только так и нужно относиться, но сейчас я понимаю, что действовал слишком некритически, по-юношески. Духовная культура как *искусство жить* (в отличие от философии – науки умирать) навсегда связана с энтузиазмом молодости, что выражено в самой структуре «Цитадели». Финны копят мудрость для Русланов, а Русланы реализуют эти сокровища в жизни. Именно в этом возрасте получал Великий Каид наставления от отца, и читателю в том же возрасте передаёт свои знания. Знаменитый парадокс: *если бы молодость знала, если бы старость могла*, преодолевается абсолютным сотрудничеством половин.

Это делал и сам Экзюпери, казавшийся сам себе в свои 44 года стариком.

На самом деле он был *старцем* – «звёздным мальчиком», ангелом в лётном комбинезоне. Но обращался он к двадцатилетним, и я “попал к нему в руки” именно в эту пору.

Подвести ближнего, знающего французский язык, под благое влияние Экзюпери для меня значило усадить его, используя всю силу внушения, за перевод «Цитадели» с целью получить, наконец, полный текст кладезя откровений. Благо, что я заимел французский оригинал книги издания 1956 года. Речь конечно шла о подстрочнике, литературную обработку которого надеялся когда-нибудь выполнить я сам.

К сожалению, сначала исчез с концами машинописный перевод, а затем и моя тетрадь, отданная кому-то, вызвавшемуся перепечатать моё сокровище.

В это время у меня появился собственный маленький афористический сборник, написанный в манере «Цитадели», как бы в продолжение дальнейшего осмысления реалий бытия; это была проба пера подмастерья, своего рода экзаменационная работа выпускника духовной школы Экзюпери.

Какой же важнейший принцип обнаружил я в творчестве своего любимого Учителя и попытался до глубин усвоить? – Умение видеть связь между вещами, как до него не видел никто. Гимн колодцу, как овеществлённому благоволению людей друг к другу, не смог бы написать, кроме него, ни один другой автор. Самые простые человеческие дела и занятия получили под его пером библейскую масштабность и трансцендентную значительность. В эпоху дегуманизации культуры и духовного обнищания человечества он снова вернул человеку поставленный под большое сомнение статус «венца творения». Пошатнувшееся под давлением факта двух мировых войн звание человека, как существа *разумного*, было поддержано Экзюпери последней аргументацией, которой почти что он не верил сам.

Короче: он оказался единственным полномочным адвокатом человека в XX столетии, а значит, начальником и правителем этого куска человеческой истории. Он в одиночку выиграл схватку с идеологами фашизма и совершил подкоп под идеологию тоталитаризма, который привёл, в конце концов, к падению всех тоталитарных режимов Европы.

Ни один государственный деятель или духовный лидер XX века не оказал такого реального позитивного влияния на судьбы мира, как Экзюпери. Фраза, брошенная Гийоме: «Я вынес то, что не вынесло бы ни одно животное», опозитизированная другом, придавшим ей

значение эталона достоинства современного человека, стала духовной маркировкой столетия, в панораме веков.

Никогда рыцарство, только что освоившее «пятый океан» не действовало столь энергично и эффективно, как в поколении героев, которое возглавил как идеолог и духовный лидер Экзюпери. Подвиги Ланселота и Парсифаля поблекли перед каждодневным мужеством Мермоза и Гийоме, Ошеде и Жана Прево. А это значит, что рыцарство не только не исчезло, но вошло в стадию наивысшего расцвета своей деятельности. И это без всяких метафор и поэтических передежек.

Духовность вообще никогда не была кабинетно-теоретическим феноменом. Всегда находились люди, щедро предоставлявшие собственную жизнь под испытательный полигон её открытий и разработок. Так поступил во время Первой мировой войны Шарль Пеги, а во время Второй – Экзюпери.

Впечатление от Великого Антуана как ожившего библейского пророка было так велико, что первый портрет Экзюпери, выполненный в середине 60-х годов я назвал «Новый Моисей», подразумевая те новые духовные вершины, на которые возвёл человечество французский Учитель. С вершин этого Синая открывалась панорама Третьего Завета, с одним из корифеев которого, Дмитрием Мережковским, Экзюпери прожил бок о бок почти 20 лет. Из российского далека фигуры эти почти сливаются в ауре единомыслия и сотворчества.

В середине 70-х я послал этот портрет в подарок матери Экзюпери, бывшей в то время ещё в живых. Не знаю, передала ли французская журналистка, вызвавшаяся быть посредницей, портрет по назначению, но если даже он был ею присвоен (поскольку реакции не последовало), то важно, что сама акция была предпринята и мистически Россия воздала должное своему любимцу. А о том, что Экзюпери именно таков, свидетельствует знаменитая песня Пахмутовой и Добронравова «Нежность»,

получившая вторую жизнь в культовом кинофильме 70-х «Три тополя на Плющихе».

Центр духовной культуры, созданный и возглавленный мной в 1987 году был назван, естественно, «Цитадель», а соответствующий пассаж из одноимённой книги был взят концепцией Центра. Он сделался подлинным полигоном развития идей французского духовного мастера, но ничего культового, напоминающего мемориальные “капища” известных людей, в его деятельности не было. Несмотря на это, откликнулся на 100-летие Экзюпери в 2000 году единственно наш Центр, проведя научную сессию в день рождения Сент-Экса. Доклады, прочитанные тогда, в расширенном и дополненном виде образуют значительную часть настоящего издания.

Мне довелось стать инициатором выпуска юбилейного номера журнала «Наука и религия», многолетним сотрудником которого я являлся. Там тоже запомнили о дате, но авральным порядком публикация была подготовлена. На обложке впервые был репродуцирован второй портрет Экзюпери «Египтянин», выполненный мной в середине 90-х годов. Рядом с трагическим первым, это была светлая, мистическая работа. Она стала завершением моей эзотерической иконографии мастера. Этернальность иконы вытеснила патетическую злободневность, хотя второй портрет менее условен – духовное обобщение пришло на смену сугубо пластическому, в котором был ещё силен момент переживания преждевременного ухода героя.

Воистину, Экзюпери – человек на все времена, и чем дальше отодвигаемся мы от дат его рождения и смерти (ухода), тем сильнее это чувствуется. Первый портрет исполнен, когда Экзюпери было чуть за шестьдесят лет, второй – когда под шестьдесят было живописцу. Но и тот и другой портреты вписываются в общую концепцию: «За пределами смерти».

Целовековый юбилей проявил подлинный масштаб этой личности. Романтический “дамский писатель”, «Конрад воздуха» юношеского чтения уступил место суровому и даже колюче-жестковатому духовному реалисту, каковым он и останется до конца человеческой истории.

Множество орденских и сугубо эзотерических подражений остались не только за пределами понимания широких читательских масс, но и за пределами просто адекватного прочтения. Образ *розы* вне символики розенкрейцерского истолкования смотрится простоватой олеографией, против чего восставал сам Сент-Экс. Финалистский оптимизм, который обнаруживает в нём скрытого христороубца, выглядит как завербованная буржуазностью хеппиэндовость, хотя речь больше идёт о колорите, нежели о сюжетной событийности, которая, наоборот, почти всегда трагедийна. Но именно внутреннего света и финального оптимизма и не может простить Экзюпери мазохистское самоедство современного интеллектуала. «Мы – дерьмо!» – провозглашают они, и ждут согласия от всех, кого оглядывают в желании заручиться оным. Но Экзюпери или вычёркивает себя и друзей из тотального обобщения первого слова, или не соглашается со вторым. Это и раздражает духовных люмпенов обоих полушарий мирового элитарного филея. Им сподручней вещать ныне под удобной вывеской «традиционализма», хотя единственной подлинной традицией человечества является страсть к новаторству и обновлению, т. е. к жизни, а не смерти, которую манифестирует застывший канон. Экзюпери фундаментален только удельным весом каждого своего слова, но не системой сакральных табу и социальных запретов. Он достаточно умён, чтобы не бояться противоречить самому себе. Ибо правда вчерашнего дня не обязательно является таковой для дня сегодняшнего. Ибо неизменными являются только реалии Высшего, а не их интерпретация. Угол видения в

динамической Вселенной постоянно меняется и цепь разнообразных описаний не отрицает единства предмета описания, как при рассказе о цвете перламутровой раковины при её круговом обзоре.

Именно масштабность Экзюпери раздражает пигмеев мысли и души более всего. «Чада праха» оскорбляются в нём именно отсутствием общего для них всех трусливого цинизма смертности, безнадёжной конечности их псевдоличности, ибо настоящей личности при отсутствии лица неоткуда и взяться.

Возня лилипутов с Гулливером только по виду напоминает расправу: всё это не более чем мусор поюсторонности, перекатываемый ветрами дольними. Белизну горных вершин пыльный ураган замутить не может. Это и бесит снобов. Они верят в силу своих творческих потенций только когда видят что-то великое, испачканное собственными испражнениями. Гигант Экзюпери давно является для них любимой мишенью. Но это участь всех великих мира сего, величие которых не зависит от мнения толпы. Данте могут перестать читать, но перестать почитать его – выше человеческих сил. Гомер не может выйти из моды. Величие Шекспира и Вагнера не поколебал даже “дальтоник” Лев Толстой.

«Критика» титанов духа, к которым относится и Антуан де Сент-Экзюпери, часто носит характер пароксизмов скрытого атеизма, отрицания Высшего мира как реальности. Люди, которым не дан музыкальный слух, отрицают саму возможность получения наслаждения от классической музыки вообще.

Борьба дольного с горним и его агентами континуальна в мире сём. Именно неприятие долины “вытягивает” горы вверх. При слишком комфортной жизни на земле побег в Небеса невозможен.

Да что там! – Были бы Христы – за антихристами дело не станет.

Последнее свидание с Учителем произошло во время написания книги о Михаиле Булгакове. Чудо встречи двух

корифеев духа в Москве в разгар сталинских чисток в 1935 году произвело на меня огромное впечатление. В булгаковских биографиях это событие иногда проскакивает как незначительный эпизод, в биографиях Экзюпери не встречается вообще. Таково видение ситуации с профанной стороны.

Каково подлинное значение этого свидания младшего мастера с русским “невыездным” узником режима объяснено на страницах обоих исследований. Вчитайтесь и упейтесь сладостью безграничных возможностей Высших Сил! Воистину мы живём в средоточии чудес, надо только уметь правильно прочесть подлинный смысл событий.

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Биогенез не терпит компромиссов. Особь всегда несёт наказание за искажения среды. Среда заедает царя зверей аки кролика. И человек начинает перегруппировывать свои молекулы, а общество – молекулы людей. Удивительно, что животный мир, как мир живого, наблюдает за этим смертельным трюком человечества не без опаски. Но оказывается, человек способен группироваться не только по принципу стада, стаи для охоты, прайда-“детсада”. Есть и другие принципы объединения. *Со-знание, со-ответствие, со-бытие, с-частье*.¹ Духовное единство – выстраданный принцип

---

¹ Сумма терминов, составляющих объединённое понятие «сорборность».